

Н.Н. Сосна

Теории медиа: нормализация и вариантология

Сосна Нина Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

Автор статьи предлагает посмотреть на исследования медиа в исторической перспективе и сопоставить проекты «золотого периода», т.е. 1990-х – начала 2000-х, с работами последних лет. После предварительных пояснений выбирая для более подробного изложения проекты З. Цилински и Ю. Парикки, автор показывает, как меняются задачи медиаисследований и их методология при переходе от масштабных панорам, претендующих на построение новой истории из перспектив использования различных медиа, к фрагментированным и ситуативным разборам отдельных компонент некоторых медиа (например, перевод цветовой дисперсии на химический язык фотографии удаленной звезды). Так археология, внимательная к геологическому времени, переходит в архивную работу, производимую для «коммерческого использования или машинного обучения». При этом нивелируется радикальность подходов к исследованию медиа, свойственная первым медиатеоретикам, так как авторы сочинений, публикуемых со второй половины 2010-х гг., содействуют нормализации медиатеории путем приведения к давно обсуждаемым темам других дисциплин, таким как когнитивные функции или теория знаков. Вместе с этим медиатеория в значительной степени политизируется, принимая процедуры управления и редуцируя «вариантологию» и ориентированность на множественность медиа, которые разрабатывались ранее.

Ключевые слова: глубокие медиа, теория, геологическое время, индивидуальная вариация, нелинейная история, технологии, мера, экология

Этот текст – в значительной степени исторический, поскольку почти тридцатилетняя история работы над определением сущности и культурной роли медиа уже позволяет сделать некоторые по крайней мере промежуточные выводы, а также подводит к этапу «переоценки ценностей» и установлению новых перспектив для исследования.

Рубежными в этой уже сложившейся истории выступают 1990-е гг., к которым относится выход работ Ф. Киттлера «Оптические медиа» («Берлинские лекции 1999», перевод на русский язык 2009) и «Граммфон, фильм, печатная машинка» (1986, перевод на русский язык в печати), а также открытие первых кафедр в европейских университетах по исследованию медиа совершенно новым способом,

при котором под медиа понимались не средства массовой коммуникации (газеты, телевидение, позднее – интернет), а материальные средства доставки некоторого содержания, неизбежно изменяющегося под воздействием условий, накладываемых «носителем» (соединением проводов телеграфа, проявителями фотоизображения, лучевыми трубками телевизора, но также геологической разведкой, построением электрических сетей и др.). Незамкнутость границ этого «набора» из медиа, в который на разных этапах входили и более экзотические «средства», чем вышеперечисленные (типа роения коллективных насекомых), как и крайняя неопределенность центрального понятия «медиа», всегда – и до нынешнего момента – воспринимались как проблема, но одновременно и как преимущество, стимулировавшее в том числе развитие этого направления исследований как такового.

Теории медиа оказались достаточно масштабным академическим и кросс-академическим явлением, так как захватывали представителей разных дисциплин в разных странах и даже на разных континентах: это не только немецкая школа, наследующая Киттлеру и подпитываемая выставочными и образовательными проектами знаменитого музея ZKM в Карлсруэ, но и разные школы и отдельные исследователи других европейских стран (Институт сетевой культуры Амстердама) и Соединенных Штатов (Чикагская школа медиа, но также А. Гэллоуэй и Л. Манович со своими индивидуальными проектами) и многие другие. Даже относительно краткая история этих исследований по фигурам и странам значительно превысила бы допустимые объемы любой журнальной публикации, поэтому задачей настоящей статьи является рассмотрение нескольких наиболее важных, на мой взгляд, выводов, объясняющих складывание имеющихся в настоящее время тенденций к нормализации этого движения и тех задач, решению которых оно еще может способствовать.

Разумеется, исследование медиа не принадлежит только прошлому, свидетельствами чему являются продолжающиеся публикации монографий по соответствующим темам, а также создание в 2017 г. нового международного журнала “Media Theory” (<https://mediatheoryjournal.org>) с регулярными публикациями вплоть до сегодняшнего дня. Тем не менее уже можно говорить о том, что теории медиа внесли свой существенный вклад в складывание общекультурных тенденций и особенно практик: многолетние призывы теоретиков медиа к изучению технических устройств в контрхайдеггерианской рамке (т.е. с безусловным доверием к работе технического устройства как способа расширения горизонтов знания и опыта) сказались в значительно увеличившейся технической грамотности, особенно представителей более молодого поколения, ведущей с уровнем только использования к некоторым типам взаимодействия (включая навыки навигации, программирования и т.д.).

Важно, однако, сопоставить теории медиа, которые формулировались с 1990-х гг., с публикациями по данной теме, которые выходят сегодня. Прежде всего, обращает на себя внимание масштаб задач и соответствующее выстраивание нарратива: если теории первых признанных медиатеоретиков, таких как В. Флюссер, затем Ф. Киттлер, ныне еще организующий большие проекты З. Цилински, охватывали века изменений отношения к технике и ее роли, что фактически приводило к новым способам группировать исторические события, складывая из этих вновь выделяемых точек абрис ни на что не похожей дисциплины, то публикации последних лет предьявляют скорее множества точечных исследований, посвященных как недавно появившимся темам (абстракциям компьютеризации, алгоритмам, специфике аппаратов, анализу больших данных), так и обсуждающимся уже несколько десятилетий (использованию знаков, искусственному интеллекту, полученным техническими средствами изображениям типа фотографии). Авторы данных исследований не стремятся генерализовывать свои выводы до более разветвленной теории. В этом смысле публикации последнего времени в большей степени уподобляются коротким

очеркам, характерным для начала 2000-х, которые еще один признанный автор, Г. Ловинк (нужно сказать, и сам предлагающий работы именно такого типа), когда-то назвал «культурой комментирования» [Ловинк, 2019].

Эта зачастую неструктурированная множественность (кто-то мог бы сказать, распыление) отдельных характеристик поля медиа в технически опосредованном мире служит поводом для обвинения теорий медиа в «провинциализации» и основанием для призывов к обсуждению всего разнообразия наблюдаемых сегодня способов теоретизировать медиа. Несмотря на очевидное объединение нескольких дисциплин в каждом разборе медиаэффектов, авторам часто не удается удержать завет интердисциплинарности, и они ограничивают свою работу рамками своей специальности или лингвистической специфики. Кроме того, хотя изучение медиа заявляется теперь в рамках департаментов, центров, журналов, занимающихся изучением информации и коммуникации на разных континентах, теоретическое исследование медиа часто продолжает осуществляться вне этих институций [Dawes, 2017].

Признавая справедливость этих обвинений, я бы хотела предложить несколько иное объяснение, историческое в своей основе: революционность первых теорий медиа по мере дальнейшего развития этого движения и его институционализации нивелировалась, и в этом процессе нормализации произошла, как ни странно, даже в поле инновативных медиа, реставрация давних подходов и схем, таких, например, как искусственный интеллект, фотография или отсылающая к литературоведению теория знаков, даже если их фактическое наполнение на первый взгляд выглядит связанным с последними открытиями и технологическими новациями.

Далее я рассмотрю две группы примеров, – как относящиеся к начальному этапу развития теорий медиа, так и характеризующие нынешние исследования, – чтобы указать, соответственно, на две возможные линии дальнейшего развития исследований медиа: набирающую обороты и многократно подтверждаемую примерами, и теперь уже более маргинальную, зато сохраняющую некоторые первоначальные импульсы, пусть иногда теряющиеся в специфическом материале.

Классические теории медиа: от приемов исторического монтажа к археологии и «вариантологии»

Вначале обратимся к масштабным проектам «больших нарративов» о медиа. Они выстраивались в специфическом взаимодействии с теориями, прямо им предшествовавшими, а именно, концепциями, выдвинутыми постструктуралистами, в том числе Ж.-Ф. Лиотаром, высказывавшимся против больших обобщений. Не отрицая влияния так называемой «французской теории», первые медиатеоретики тем не менее претендовали на масштабные по охвату сюжетов и применимые к большим временным периодам концепции. С одной стороны, это был ответ на слишком «близкое чтение» французских теоретиков, которые намеренно анализировали конкретные примеры и принципиально не собирали из этих примеров общей теории, которая неизбежно подавила бы своеобразие этих примеров в рамках логоцентризма и т.д. Медиатеоретики же, напротив, очевидно выстраивали нарратив, даже если им приходилось для этого оперировать «монтажом», как Киттлер, или изобретать новую версию археологии, как Цилински. С другой стороны, влияние постструктурализма сказалось в допущении фрагментированности изложения, которое в большинстве случаев показывало развитие теории через отдельные фигуры, причем эти фигуры могли находиться на значительной хронологической дистанции (как, например, Эпикур и Афанасий Кирхер). Эта привязка медиатеорий «золотого периода» к конкретным фигурам, прежде всего изобретателей, при изучении процессов на первый взгляд аперсональных, «технических», происходящих в некоем “in-between”

(вдохновленные исследованиями медиа, это специфическое пространство принялись изучать и sound studies [Voegelin, 2010]) – между отправителем и получателем, между сообщением и средством его доставки, между материальными компонентами и способами их символизации и т.д., – дает возможность утверждать, что теории медиа всегда содержали предпосылки некой антропологии.

Показателен синтетический пример Б. Стиглера: с одной стороны, он оперировал континентальным богатством теоретических подходов, прежде всего, психоанализом, но также левоориентированной политической теорией, изучал феноменологические механизмы памяти в сочетании с введенной им технологизированной «третьичной ретенцией», учитывал процедуры записи и письма (известны его интервью с Ж. Деррида об «эхографиях телевидения»); с другой стороны, путем изощренных переинтерпретаций он конструировал из этих подходов нарратив многотомной серии «Техника и время» [Stiegler, 1994; Stiegler, 1996; Stiegler, 2001] от Прометея и Эпиметея фактически до рубежа XXI в. Работы Стиглера оказали большое влияние на тех, кто занимался проблематикой медиа и искал теоретические основания для объяснения технических изменений и функций, которые с ними все более связывались.

Не менее масштабным оказался проект З. Цилински, который не только реализовал многотомный проект «вариантологии» [Zielinski, 2007a; Zielinski, 2007b; Zielinski, 2008; Zielinski, 2010; Zielinski, 2011], но и фактически предложил свою теорию сочетаемости двух типов времени: человекомерного и недоступного человеку, – назвав эту теорию медиаархеологией. Если представитель школы Анналов Ф. Бродель в середине XX в. ввел понятие *longue durée* (большая длительность) для обозначения слоев истории, в которых происходят наиболее тектонические изменения, объясняющие перемещение центров развития культуры по поверхности планеты от Средиземноморья до Северной Америки (и кстати, также уделял много внимания материальной истории вещей, предметов, которые были в ходу в истории Средневековья [Бродель, 2006], – правда, технические устройства как таковые им не рассматривались), то Цилински работал с эффектами проявления нечеловеческого времени, слишком медленного для масштабов существования даже человеческого вида в целом, в медиасреде, что позволяло сцеплять автохтонную материальность планеты с технологизированной символизацией, имеющей в том числе и материальные составляющие.

Как многие и многие авторы, пишущие о медиа и стремящиеся их не только классифицировать (что является непростой задачей, ибо классификация строится на основании выбранных критериев и основания эти должны быть объяснены), но и концептуализировать, Цилински был озадачен тем, каким образом объединять разрозненные факты и изобретения. Отмечая, конечно, завораживающие возможности проследить генеалогию телематики (от античных металлических трубок-«громкоговорителей» до телефона и Integrated Service Data Network [ISDN]) или археологию кино (от наскальных рисунков пещеры Ляско до IMAX), он многократно высказывал свое отношение к строящимся таким образом нарративам, полагая, что более всего следует избегать при их выстраивании идеи квазиестественного технического прогресса. С этой идеей соотносятся некоторые другие базовые положения, в частности, представления о том, что политическая гегемония последовательно разворачивается от иерархических структур к демократическим или что обоснование экономической целесообразности, необходимость в простых технических приспособлениях ведет к развитию сложных технологических систем. Нарративы, выстроенные вокруг идеи прогресса, рисуют картины прекрасного будущего (к теме будущего еще обратимся далее).

Очевидно, что Цилински полагает иначе, ибо множество фактов, которые он открыл и переоткрыл, вызволив из забвения, говорит о другом. Эти факты – архивного свойства, даже, как отмечает сам Цилински, с палеонтологическим оттенком.

Во-первых, Цилински много времени провел в архивах, неоднократно описывал, какие ощущения вызывали в нем трактаты по алхимии, которые доводилось ему листать в Вене, или документы, оставшиеся от Тайной неаполитанской академии XVI в. Эти ощущения, вызванные необычностью предлагавшихся тогда проектов вне зависимости от степени их реализуемости, не менее важны для Цилински, чем навыки работы с современными коммуникационными технологиями. Необходимо также подчеркнуть, что и то и другое и материально, и в большой степени «достраивается» структурами воображения – и масштаб изобретений XVI в., который мы, может быть, только сегодня в состоянии оценить, и сочетаемость уровней работы разных языков программирования и их «непосредственно» читаемые нами результаты. Во-вторых, геологическое время, о котором шла речь чуть выше, создает довольно специфическую именно для трудов Цилински перспективу. Если отбросить линейную историю, ориентированную на прогресс, становится возможным выделять зоны интенсивной работы инженерной мысли в разные периоды и по этим зонам проводить срез. Тогда окажется, что предшествовавшие слои более богаты, чем последующие, прежде всего в отношении накопленного содержания. И при таком взгляде человеческая история – это не ось мира, а небольшое случайное событие, произошедшее на одном из ответвлений эволюции, а человеческий мозг не менялся радикально на протяжении последних 10 000 лет, которые в перспективе геологического времени – лишь мгновение, едва поддающееся измерению. В-третьих, – и это, на мой взгляд, очень важная особенность метода Цилински, отличающая его и от фуколлианской работы с архивом (медиа в его случае), и от распространившегося после выхода его работ движения, изучающего «глубокие медиа», в том числе и средствами современного технологического искусства, – это безусловная ценность индивидуального, «индивидуальной вариации», как он это называет. То есть методология Цилински включает и археологию в смысле М. Фуко, и палеонтологию «геологического времени», но только как составляющие «вариантологии». Опора только на генеалогию приводит к утрате разнообразия, которым он дорожит; не следует также непременно выискивать тенденции, основные носители или императивные точки схода, т.е. нужно стремиться обнаруживать «индивидуальные вариации».

Соответственно, подход, который предлагает Цилински, отнюдь не линейен. Множества технических устройств, предложенные за века человеческой истории, не являются для него случайными. Увидеть эти множества и установить связи между их частями бережно, так, чтобы не редуцировать их разнообразие в рамках, например, ориентированной на прогресс истории, – вот задача исследователя медиа. Если история медиа не свидетельствует о предсказуемом продвижении от примитивных аппаратов к более сложным, то и настоящее состояние развития медиа не следует считать лучшим из когда-либо предложенных. Отсюда и парадоксальное, но лишь на первый взгляд, замечание Цилински о том, что за последние 500 лет в области визуальных технологий не было предложено ничего радикально нового. Это утверждение ни в коем случае не свидетельствует о ригоризме Цилински или стремлении объяснить новое старым. Напротив, его принципиальной позицией является поиск нового в старом. Поэтому, если Киттлер определял медиа как устройства для записи информации на определенном носителе для ее последующего хранения и передачи, то для Цилински медиа – это пространства действия для конструктивных попыток соединить то, что разделено.

Один из самых показательных, на мой взгляд, примеров соединения разделенного, которые рассматривает Цилински, – опыты с электричеством, которыми занимался Иоганн Вильгельм Риттер, основатель электрохимии, чьи труды были оценены почти столетие спустя после публикации. Риттер не сомневался, что электричество пронизывает собой все органические тела и, как причина движения, определяет также и неорганическую материю. Он был уверен, что открыл основополагающий

феномен, посредством которого возможно объяснить все природные явления и все связи отдельных существ и сущностей с природой. Фактически он собирал «большую теорию всего». Совсем молодым человеком Риттер приехал в Йену, чтобы заниматься экспериментами, которые он, не жалея сил, ставил на себе: представляя свое тело биполярной электрической системой, он снова и снова подсоединял различные части своего тела к положительно и отрицательно заряженным электродам, чтобы доказать, что каждая часть тела отражает пульсацию универсума.

Показательно, что в марте 1828 г., формулируя задачи развития физики на основании истории этой науки, Риттер видел главной целью всякого размышления воссоединение с природой как возвращение к гармоническому состоянию и, развивая эту идею, указывал на необходимость специфической позитивной антропологии. Показательно это потому, что и сам Цилински, подводя своеобразный итог развитию технологического искусства в книге «После медиа» [Zieleński, 2013], также заявил (правда, без особых деталей) о необходимости новой антропологии, а именно медиа-антропологии. Иными словами, занятия технологиями, которые обычно расцениваются как нечеловеческие (ведь и Цилински убежден, что наиболее функциональные технологии редко разрабатываются как «расширение» или «продолжение» человеческого, в противовес тому, на чем строил свою теорию предшественник медиатеории М. Маклюэн, гораздо чаще – через инертное сопротивление органического: часы, крутящий момент в механике, неподвижные крылья в авиации, дискретные вычисления в электронике), приводили нескольких фундаментальных исследователей к необходимости разработки новой антропологии на фоне широты исследовательского горизонта (археологии, палеонтологии, вариантологии в случае Цилински). Они осознали необходимость «пространства для маневров», многообразия возможностей технических и культурных решений для построения медиа-миров. В этом смысле случаи удачного прослеживания «индивидуальных вариаций» предстают фактически как концентрированные выбросы мыслительной и инженерной активности, которые могут обогатить наше знание, когда бы ни происходили, если ценить их как таковые, не выстраивая иерархически.

Никакой подобной заявки мы не найдем у более молодых исследователей; результаты их работы можно приблизительно разделить на две группы: достаточно многочисленные монографии и сборники, в которых рассматриваются, с одной стороны, неспекулятивные, скорее когнитивные, как позиционируют их авторы, технические сюжеты, а с другой стороны – в большой степени метафорические, почти литературные по форме (не реактивирующие давние разработки Маклюэна или идеи позднего Киттлера о языке как медиа) труды, конденсирующие «темную материю» «нечеловеческого». Ярким примером второй группы являются последние исследования Ю. Такера [Такер, 2017]; пограничными, т.е. принадлежащими отчасти обеим группам, можно считать последние работы А. Гэллоуэя [Galloway, 2021], в которых даже кристаллизуются, на мой взгляд, некоторые компоненты антропологии. В рамках первой же группы представляется важным рассмотреть работы Ю. Парикка, так как эволюция этого исследователя – достаточно типичный пример трансформации медиаисследований.

Операциональная когнитивность: от «природных» медиа к логистике фотографии

В начале своей карьеры Ю. Парикка работал вместе со своим старшим коллегой Э. Хухтамо над одной из версий истории медиа и, издав несколько сборников по теории медиа, перешел к собственным исследованиям, где предложил несколько достаточно радикальных ходов. Так, в книге «Медиа насекомых» [Parikka, 2010] он

проблематизировал концептуальную схему, существовавшую минимум столетие, согласно которой культура противостоит природе и приобретает признаки цивилизации потому, что предполагает конструирование и использование технических устройств. Достаточно указать на оппозицию «сырого» и «вареного» в трудах антрополога К. Леви-Стросса, чтобы продемонстрировать, что даже такое минимальное операциональное действие, как приготовление пищи на огне, означало переход на другой культурный уровень, даже при неоднозначной оценке роли огня (так, интенции, собираемые фигурой Прометея, сегодня часто признаются негативными, так как в них видится исток агрессивного овладения ресурсами планеты, которое, как считается, привело в том числе к глобальным изменениям климата) и т.д. Радикальность хода Парикки состояла в том, чтобы сместить границу между природным, цивилизационным и техническим. Он находил примеры, в которых компоненты одного, другого и третьего можно было совместить, иными словами, представить природу медиализированной еще до вмешательства человеческих рук, ковавших первые орудия. Если в соответствующем фокусе рассмотреть способ существования коллективных насекомых, например пчел, то окажется, что распределение ролей между различными особями смещает биологические и социальные границы, т.е. природное и сверхприродное, роение же как специфическое пространственное перемещение говорит о нахождении особого синтетического способа существования, которому человек может учиться, а конструирование сот выглядит весьма изощренным в техническом отношении, являясь как бы чисто «природной» функцией, которую пчелы исполняют «инстинктивно», и т.д. То есть Парикка предлагал рассматривать роение пчел и архитектуру их «жилищ» не как структуры, но как события, несводимые ни к программам, заложенным в каждую группу особей, ни к результатам организующего давления извне. «Пространство создается посредством тактильного зондирования топологии среды обитания. Связи протягиваются не обязательно на макроуровне: это переживаемые связи, которые вовлекают организм в ситуации, общие с кем-то еще. Эти связи создаются микродвижениями. Пространственные абстракции являются тогда проекциями глубинных связей. – (Это) пример конкретного “радикального эмпиризма”» [Parikka, 2010, p. 55–56]. Так неорганическая материя трансформируется в архитектурные сооружения, путем «детерриторизации земли».

В дальнейшем Парикка, отчасти продолжая тему «природных медиа», перешел к изучению роли некоторых металлов (преимущественно тех, которые используются для сборки компонентов «железа» современных компьютеров), оценивая ресурсы планеты для конструирования новых системных плат и т.д. и утилизации старых. По понятным причинам эта работа развивалась в рамках передовой глобальной тенденции рассматривать события современности под углом зрения экологии [Parikka, 2015]. Но и в этой работе сохраняется специфический медиатеоретический фокус, который не позволяет отнести содержание этой книги к какой-либо точной дисциплине, например геологии, и одновременно подпитывает художественные эксперименты, о которых также идет речь, естественно-научным материалом.

Как это ни странно, дальше Парикка занялся фотографическими изображениями, сохраняя толику материальности медиа, но все активнее переходя к их операциональным характеристикам. Это хорошо видно на примерах двух его последних проектов. В первом [Parikka, Dvořák, 2021] фотография, конечно, не рассматривается как изображение, репрезентирующее нечто, а представлена в рамках системных связей, которые являются и историческими, и соотносимыми с современными технологиями и инфраструктурой. Фотография тогда видится как критически временная единица, и специфичная по причине того момента, в который была сделана, и деконтекстуализованная, если является частью многочисленных баз данных для коммерческого использования или машинного обучения. В таком фокусе о ней можно говорить

в терминах масштаба, меры, количества, а значит, упорядочивания, организации, логики (которые имеют место, например, при работе с фотографическими архивами).

Во втором проекте “Operational images and visual culture”, который планируется к публикации в University of Minnesota Press в 2023 г., фотография уже называется «операциональным изображением», прежде всего потому, что человеческое восприятие тел, движений *значит меньше*, чем измерение, паттерн, анализ, навигация и т.д. Соответственно, меняются масштабы и система отсылок. Так трактуемые изображения, утверждает Парикка, эпистемически заряжены, так как фиксируют эпистемологические детали. Важно, в каких контекстах: от дискуссий о «машинном видении» до «более широкой рамки анализа, идентификации, трекинга... и современной фазы военного управления и обеспечения безопасности территорий при помощи дронов как части *экологии* наблюдения, анализа и систем слежения» (курсив мой. – Н.С.). Примеры, конечно, могут быть достаточно интересными: изображение как химическая композиция удаленного объекта – солнца, находящегося на расстоянии приблизительно 149.6 млн км, чью цветовую дисперсию можно перевести на сложный язык химии. То, что такая фотография показывает, это не «картинка», а сгусток визуальных характеристик, полученных путем детальной конкретной компоновки, которая способствовала появлению этой схемы абстракции, и это потребовало четкости и точности в размещении углов и определения расстояний, что само по себе является операцией измерения.

Однако занимательность этих примеров не является ценной сама по себе, ведь они рассматриваются в рамках систем наблюдения и слежения, и медиа, хотя Парикка уже не говорит о них эксплицитно, имплицитно вновь редуцируются к контекстам, которые были очевидны для того же Киттлера, впитавшего опыт войны, о чем он неоднократно говорил и что очевидно повлияло на его позицию, согласно которой все без исключения устройства и медиа разрабатываются как военные технологии и только затем по разным причинам могут находить применение в условиях мирного времени. Это еще продолжает называться «экологией» наблюдения, но уже связывается многими авторами, подобными Парикке, с безопасностью и управляемыми летательными аппаратами. То есть все разнообразие технических решений, все обогащающие работу воображения примеры инженерных решений сводятся к необходимости текущего момента, которую кто-то видит и хотел бы контролировать. В такой программе перестает быть ценной «индивидуальная вариация», не приветствуется экспериментальность и совершенно ничего не значит человеческое восприятие, непредсказуемое и порой аффективное. Калькуляция, расчет, контроль, предсказуемость – вот задача машинных технологий, которые к началу 2020-х гг. сделались руководящими для многих авторов и от кибернетических истоков которых, казалось бы, теории медиа всегда были далеко, предпочитая смешивать методы разных дисциплин и расшатывать иерархии. Является ли это результатом академической конъюнктуры, потворствующей развитию технических навыков вне непременно их сопровождения гуманитарными составляющими и даже прямо ориентирующей на «постгуманистические» задачи? В таких условиях футурология или нью-эйдж, помимо литературных опытов, выглядят определенной альтернативой, в которой, однако, важно, по-прежнему следуя действительно инновативным путям медиатеории «золотого периода», найти нечто новое.

Список литературы

- Бродель, 2006 – Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Весь Мир, 2006. 592 с.
- Ловинк, 2019 – Ловинк Г. Трактат о культуре комментирования // Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 157–178.

- Тагер, 2017 – Тагер Ю. В пыли этой планеты. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 184 с.
- Dawes, 2017 – Dawes S. What is media theory // Media Theory. 2017. No. 1. URL: <https://mediatheoryjournal.org/simon-dawes-what-is-media-theory> (дата обращения: 26.05.2022).
- Galloway, 2021 – Galloway A. Uncomputable: Play and Politics In the Long Digital Age. London; New York: Verso, 2021. 302 p.
- Parikka, 2010 – Parikka J. Insect Media. An Archaeology of Media and Technology. Minnesota Press, 2010. 320 p.
- Parikka, 2015 – Parikka J. A Geology of Media. University of Minnesota Press, 2015. 224 p.
- Parikka, Dvořák, 2021 – Parikka J., Dvořák T., ed. *Photography off the Scale*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. 312 p.
- Stiegler, 1994 – Stiegler B. La technique et le temps. T. 1. La faute d'Epiméthée. P.: Galilée, 1994. 278 p.
- Stiegler, 1996 – Stiegler B. La technique et le temps. T. 2. La disorientation. P.: Galilée, 1996. 288 p.
- Stiegler, 2001 – Stiegler B. La technique et le temps. T. 3. Le temps du cinéma et la question du mal-être. P.: Galilée, 2001. 329 p.
- Voegelin, 2010 – Voegelin S. Listening to Noise and Silence: Towards a Philosophy of Sound Art. New York: Continuum, 2010. 256 p.
- Zielinski, 2007a – Zielinski S. Variantology 1 – On Deep Time Relations Of Arts, Sciences and Technologies. Köln: Walther König, 2007. 384 p.
- Zielinski, 2007b – Zielinski S. Variantology 2 – On Deep Time Relations Of Arts, Sciences and Technologies. Köln: Walther König, 2007. 350 p.
- Zielinski, 2008 – Zielinski S. Variantology 3 – On Deep Time Relations Of Arts, Sciences and Technologies in China and Elsewhere. Köln: Walther König, 2008. 478 p.
- Zielinski, 2010 – Zielinski S. Variantology 4 – On Deep Time Relations of Arts, Sciences and Technologies in the Arabic-Islamic World and Beyond. Köln: Walther König, 2010. 518 p.
- Zielinski, 2011 – Zielinski S. Variantology 5 – Neapolitan Affairs. On Deep Time Relations of Arts, Sciences and Technologies. Köln: Walther König, 2011. 608 p.
- Zielinski, 2013 – Zielinski S. After the Media. News from the Slow-fading Twentieth Century. Minneapolis: Univocal Publishing, 2013. 275 p.

Media Theory: Normalization and Variantology

Nina N. Sosna

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: philosjournal@iph.ras.ru

The author suggests to look at media research from a historical perspective and compare the projects of the “golden period”, that is, the 1990s – early 2000s, with the works of recent years. After preliminary contextual explanations, choosing for a more detailed presentation projects of S. Zielinski and J. Parikka, the author shows how the tasks of media studies and their methodology change during the transition from large-scale panoramas claiming to build a new history from the perspectives of media to often fragmented and situational analyses of components of chosen media (for example, the translation of color dispersion into the chemical language of a photograph of a distant star). This was the way by which archaeology, attentive to geological time, turned into archival work being done for “commercial use or machine learning”. This is how the radical approaches to media research characteristic of the first media theorists are leveled, because scientists publishing their works since the second half of the 2010s contribute to the normalization of media theory by bringing it to the long-discussed topics of other disciplines, such as cognitive functions or theories of signs. At the same time, media theory of recent years is being largely politicized, adopting governmental instructions and reducing the “variantology” and multiplicity of media that were developed earlier.

Keywords: deep media, theory, geological time, individual variation, non-linear history, technology, measure, ecology

References

- Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.*, t. 1. *Struktury povsednevnosti* [Civilization and Capitalism, 15th – 18th Century, vol. 1]. Moscow: Ves' mir Publ., 2006. 592 p. (In Russian)
- Dawes S. What is Media Theory, *Media Theory*, 2017, no. 1, URL: <https://mediatheoryjournal.org/simon-dawes-what-is-media-theory> (accessed: 26.05.2022)
- Galloway A. *Uncomputable: play and politics in the long digital age*. London; New York: Verso, 2021. 302 p.
- Lovink G. *Traktat o kul'ture komentirovaniya* [Treatise on the Comment Culture], trans. by D. Lebedev, P. Torkanovsky. Moscow: Ad Marginem Press Publ.; Garage Museum of contemporary art Publ., 2019, pp. 157–178. (In Russian)
- Parikka J. *Insect media. An archaeology of media and technology*. Minnesota Press, 2010. 320 p.
- Parikka J. *A geology of media*. University of Minnesota Press, 2015. 224 p.
- Parikka J., Dvořák T. *Photography off the Scale*. Edinburgh University Press, 2021. 312 p.
- Stiegler B. *La technique et le temps*, t. 1, La faute d'Epiméthée. P.: Galilée, 1994. 278 p.
- Stiegler B. *La technique et le temps*, t. 2, La disorientation. P.: Galilée, 1996. 288 p.
- Stiegler B. *La technique et le temps*, t. 3, Le temps du cinéma et la question du mal-être. P.: Galilée, 2001. 329 p.
- Thacker E. *V pyli etoi planety* [In the Dust of this Planet], trans. by A. Ivanov. Perm': Hyle Press Publ., 2017. 184 p. (In Russian)
- Voegelin S. *Listening to Noise and Silence: Towards a Philosophy of Sound Art*. New York: Continuum, 2010. 256 p.
- Zielinski S. *Variantology 1 – On Deep Time Relations Of Arts, Sciences and Technologies*. Köln: Walther König, 2007. 384 p.
- Zielinski S. *Variantology 2 – On Deep Time Relations Of Arts, Sciences and Technologies*. Köln: Walther König, 2007. 350 p.
- Zielinski S. *Variantology 3 – On Deep Time Relations Of Arts, Sciences and Technologies in China and Elsewhere*. Köln: Walther König, 2008. 478 p.
- Zielinski S. *Variantology 4 – On Deep Time Relations of Arts, Sciences and Technologies in the Arabic-Islamic World and Beyond*. Köln: Walther König, 2010. 518 p.
- Zielinski S. *Variantology 5 – Neapolitan Affairs. On Deep Time Relations of Arts, Sciences and Technologies*. Köln: Walther König, 2011. 608 p.
- Zielinski S. *After the media. News from the slow-fading twentieth century*. Minneapolis: Univocal Publishing, 2013. 275 p.